

УДК 130.2; 37.01

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-2-32>

История университета: опыт философской критики

Мальцев Константин Геннадьевич¹,

Мальцева Анна Викторовна²

^{1,2} Белгородский технологический университет

им. В. Г. Шухова, г. Белгород, Россия

^{1,2} pavic69@mail.ru

Аннотация. История европейского университета прерывиста, тем не менее университет считается уникальным «социальным институтом», существующим на протяжении «более пятисот лет». Предметом изучения в статье является возможность рассказа связной истории университета за названный период; предпринята демонстрация того существенного обстоятельства, что в таком нарративе речь идет об университете исключительно в значении «технического термина» (Г. Г. Гадамер), а не понятия, для обозначения принципиально различных институтов, функционирующих в разных историко-социальных контекстах и занимающих разное место в действительностях, представленных в разных парадигмах. Выявляются основные идеи университета: университет разума (Кант, Фихте), исследовательский университет (Гумбольдт), университет модерна, идеей которого является «либеральное образование» (Ньюмен), современный предпринимательский «университет совершенства» (Ридингс, Кларк) — доказывается, что между ними отсутствует преемственность: определяются два «мифических понятия» (К. Шмитт) университета, конституированных в двух парадигмах действительности (философская в горизонте немецкой классической философии и экономическая в либеральной версии экономической парадигмы (Дж. Агамбен)); устанавливается, что история «классического университета» закончилась его «смертью в 1890 году» (М. Хайдеггер), другая история университета модерна необходимо ведет к действительности современного предпринимательского университета как коммерческой фирмы, определяемой горизонтом глобального политического порядка и «тотальной монокаузальной логикой капитала» (У. Бек). Обращение к истории идей и истолкованию понятий предполагает использование методов философской гер-

меневтики для истолкования смысла. Обосновывается потребность представления двух историй «об университете» и рассказа о возможных «общих событиях» и «переходах» между ними.

Ключевые слова: нарратив, университет, идея университета, метафизическое/мифическое понятие, парадигма действительности, глобализация, публичный дискурс университета

Для цитирования: Мальцев К. Г., Мальцева А. В. История университета: опыт философской критики // Человек. Культура. Образование. 2022. № 2. С. 32–54. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-2-31>

History of the University: the Experience of Philosophical Criticism

Konstantin G. Maltsev¹, Anna V. Maltseva²

^{1,2} Belgorod State Technological University named
after V. G. Shukhov, Belgorod, Russia
^{1,2} pavic69@mail.ru

Abstract. *History of the European University is intermittent, nevertheless, the university is considered a unique «social institution» that has existed for «more than five hundred years». The subject of the study is a possibility of telling a coherent history of the university for the period under discussion. We try to emphasize that in such a narrative we are talking about the university exclusively in the meaning of a «technical term» (G.G. Gadamer), and not concepts, to denote fundamentally different institutions functioning in different historical and social contexts and occupying a different place in the realities presented in different paradigms. The main ideas of the university are revealed: the University of Reason (Kant, Fichte), the research university (Humboldt), the University of modernity, the idea of which is «liberal education» (Newman), the modern entrepreneurial «university of excellence» (Readings, Clark). It is proved that there is no continuity between them. Two university «mythical concepts» are defined (K. Schmitt), constituted in two paradigms of reality (philosophical in the horizon of German classical philosophy and economic in the liberal version of the economic paradigm (J. Agamben). It is established that history of the «classical university» ended with its «death in 1890» (M. Heidegger), another history of the University of modernity necessarily leads to the reality of the modern entrepreneurial university as a commercial firm defined by the horizon of the global political order and the «total monocausal logic of capital» (W. Beck). The appeal to the history of ideas and interpretation of concepts involve the use of methods of philosophical hermeneutics for interpretation of its meaning. The necessity of presenting two stories «about the university» and a story about possible «common events» and «transitions» between them is substantiated.*

Keywords: *narrative, university, university idea, metaphysical/mythical concept, paradigm of reality, globalization, university public discourse*

For citation: Maltsev K. G., Maltseva A. V. History of the University: the Experience of Philosophical Criticism. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*. 2022; 2:32–54 (In Russ.). <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-2-32>

Введение. Относительно университета существует устойчивое мнение: «Университет – это единственный европейский институт, который сохранял свою фундаментальную структуру, а также базовую социальную роль и функцию на протяжении последнего тысячелетия» [1, с. 45]. (Коллини цитирует «Историю университета в Европе», недавний «амбициозный издательский проект».) Подобное постоянство по меньшей мере удивительно и заслуживает пристального внимания; если с университетом все обстоит действительно таким образом, как написано в цитируемой нами книге, то это требует *объяснения*; если же все не совсем так или даже совсем не так — тогда следует объяснять уже *основание* устойчивости подобной иллюзии, либо искать, *кому выгодно* именно так представлять университет. В любом случае, подобные разыскания являются задачей *научного исследования*; у нас другая цель, предполагающая и другой подход. Г. Г. Гадамер в предисловии к «Истине и методу» [2] предостерегал от некритического пользования «устоявшимися терминами»: «Отныне преемственность традиций европейского мышления утрачивает свою неизменную континуальность. Ведь это означает исчезновение той наивности, с которой прежде можно было ставить понятия, почерпнутые из традиции, на службу собственной мысли. С тех пор отношение науки к этим понятиям отличается странной необязательностью, независимо от того, пользуются ли ими “ученым”, чтобы не сказать архаизирующим, образом или же обходятся с ними по типу технического манипулирования, превращая их в простые орудия» [2, с. 42], — то есть в рассуждении об университете вместо *понятия* мы можем столкнуться именно с *техническим термином*, с какой-то целью либо почему-то использованным для обозначения «предмета», по сути отличного от того, какой разумеется в понятии. Сразу поясним, что имеется в виду: последние 30 лет в публичном дискурсе университета и в подавляющем

большинстве исследований современного университета университет *представляется* коммерческой фирмой. Однако никому не придет в голову не только «сравнить», но даже рядом поставить «университет разума», или «университет культуры», или «гумбольдтовский исследовательский университет», даже и «университет модерна» с его «либеральным образованием» в качестве идеи, — с *фирмой*: значит, в отношении современного, который все чаще называют *предпринимательским*, университета можно констатировать произошедшее *изменение*, которое является *существенным* настолько, что его, как фирму, *нельзя ставить в ряд* с любым из названных (и, может, неназванных) выше университетов, относительно *действительности* каждого из которых можно спорить, но нельзя отрицать действительность классического университета, *никогда не бывшего*, ни в *реальности* понятия, ни в действительности, фирмой.

Методы исследования, теоретическая база. Итак, нашей задачей является *понятийный анализ*, то есть *философское истолкование* представления истории университета; философское истолкование предполагает не *причинное объяснение*, но *понимание смысла*; в этой связи необходимой является апелляция к *идее университета*: речь идет об *истории идеи*, следовательно, методы философской герменевтики являются способом познания тематизированного нами предмета исследования.

Мы удерживаем различие между *реальностью* и *действительностью* так, как это принято в новоевропейской философии (по указанию М. Хайдеггера — по-кантовски субъективно), просто потому, что если такое различие вообще проводится в современных исследованиях, то только так, а не иным из трех других возможных способов; мы также используем то, что К. Шмитт [3] называл «метафизическим», «мифическим» или «радикальным» понятием (разумеется, здесь необходима отсылка к традиции немецкой классической философии, прежде всего к Гегелю), в котором «реальное» и «действительное» совмещается, опять же специфически *субъективно*; наконец, вопреки мнению о невозможности этого (например, у Ридингса [4], или Коллини [1]), мы апеллируем к *идее* университета, полагая, что, не имея «пред-понятия» (здесь «пред» означает предшествование *научному* исследованию,

но не *философскому* размышлению) или *вида*, то есть *начала* — невозможно и начать научное исследование.

Если вещь настолько изменилась, что стала *другой*, то и говорить о ней следует как о другой; но в области социального давно известно то, что Дюркгейм называл «пережитками», а Парето — «остатками»: социальные институты, как правило, не *исчезают*, но в новых условиях усваивают иное, иногда даже никак не связанное с прежним, *назначение*. Иной раз, и это относится к университету, такой новый институт *выглядит* почти «как раньше»: те же профессора преподают, студенты учатся, — насторожить может только то, что, по общему признанию, *центральной фигурой* университета вот уже почти 50 лет как стал *администратор*, менеджер; затем выясняется, что и преподавание *тоже другое*, и студенты *учатся с иной целью*, и образование как таковое *все больше описывается другими словами* — то есть *произошли тотальные изменения*, осталось только *название*. Мы имеем также два авторитетных и заслуживающих безусловного *внимания* (если не *доверия*) свидетельства *прерывности* «истории университета»; Хайдеггер утверждал, что «университет умер в 1890 году» [5, с. 467]; Б. Ридингс (в 1994 году) [4] определил, что «университет находится в руинах», — ценные свидетельства для того, чтобы задуматься как *рассказывать историю* университета «со средних веков» и «до современности», если как минимум дважды «констатирована смерть» того, о чем должен вестись рассказ; рассказ, *нарратив* в некотором отношении — как *представление* аналогичен «предпонятиям» в научном познании.

Результаты исследования и их обсуждение. Итак, первая тема, которую следует обсудить в ходе нашего рассказа: каким образом представляется *идея* университета. Кантовский университет разума определяется в своей идее в горизонте понятия Просвещения как «свободное и публичное использование разума» достигшим совершеннолетия автономным индивидом — субъектом и гражданином; Фихте определяет идею университета в перспективе наступления «четвертой эпохи человечества», как «эпоху разумной науки, время, когда истина признается высшим и любимым более всего началом, — состояние начинающегося оправдания» [6, с. 370]. В том и в другом случае существенной является отсылка к философии как *ἀρχή* науки: Хайдеггер называл ее «геге-

левой наукой» [7]; университет мыслился как *место* такой науки в двух отношениях: она там *растет* и ей *обучаются*, образование есть, таким образом, «воспитание» (или «подготовка») к *знанию* как *науке*, и, тем самым, «образование человека в человеке» (романтическая идея, отголоски которой мы находим еще у Наторпа и даже у Ясперса [8]). Университетское сообщество, «корпорация профессоров для проведения совместных исследований» (определение В. фон Гумбольдта) является «республикой ученых», более непосредственно определяемых самой наукой и потому представляющих *моделью* или *образцом* политического сообщества как такового (между гегелевским государством, кантовской республикой, фихтевским национальным государством — и университетом действительно их *единство*: один и тот же *принцип* строения и *жизни* [9]). Идея такого университета *прерывается* вместе с понятием «гегелевой науки»; исследовательский университет Гумбольдта и университет Шлейермахера еще *государственные*, то есть пока опосредованно *философские*, и как государственные — становятся *культурными* и *идеологическими*: современный исследователь университета Ридингс [4], ссылаясь на работу Лиотара [10], подчеркивает именно это обстоятельство: университет модерна есть «университет культуры».

«Философская эпоха» закончилась не начавшись, сразу и без следа, — действительность представляется в набирающей силу «либеральной метафизике» совершенно иным способом: автономия субъекта интерпретируется как индивидуализм; индивид представлен через подлежащие количественному расчету и сравнению *интересы*; политическое сообщество — через «баланс интересов» (К. Шмитт [11]) и политическая свобода — через возможность публичного представления интересов (репрезентация в парламенте не *народа*, но *групп интересов* и *свобода печати*), — главное здесь то, что называется *экономизмом*: действительность *представляется* в экономической парадигме (Дж. Агамбен [12]).

Идея университета существенно связана в новую эпоху с понятием «либерального образования», определенного Ньюменом [13]. Свое определение «свободного образования» Ньюмен выстраивает на различении «самоценного» и «инструментального» (то есть «профессионального») знания. В первом случае речь идет о «формировании интеллекта» как человеческой потребности, не

нуждающейся ни в каком последующем оправдании, — это и есть сущность «либерального образования». Причем данное различие *не совпадает* с различием умственного и физического труда: Ньюмен ссылается на «греческие» (атлетика) и средневековые (рыцарские турниры) практики «свободного образования», — и на практическое применение науки в технологиях разного рода, как на «профессиональное». Ему известен также вопрос об «экономическом обосновании» «самоценного», который, по его мнению, является «недействительным вопросом». Тем не менее «самоценное» является опосредованно социально полезным и даже необходимым: хотя в начале своего цикла лекций (ставшего книгой) он утверждает, что целью либерального образования не является «воспитание джентльмена», который может быть воспитан вне университета, но в процессе изложения позиция корректируется: «Либеральное образование формирует... Джентльмена. Хорошо быть Джентльменом» [13, с. 113], и определяет качества джентльмена: интеллект, вкус, обходительность и беспристрастность духа, — как цель либерального образования; эти качества «выступают предметами университета, который я отстаиваю» [13, с. 113].

Эти качества необходимы для *политической жизни* и являются *основой либерального порядка*; так считал не только Ньюмен, но и, например, М. Нуссбаум [14], которая обосновывает необходимость «сохранения» либерального образования в современном университете для образования *свободного гражданина в либеральном государстве*. Такой гражданин — «индивидуалист», но, как пишет Риддингс [4], либеральный гражданин «свободен лишь в той мере, в какой он или она становится — в собственных глазах — в первую очередь подданным государства» [4, с. 284] и «государство превращает индивидов в сообщество субъектов, поддерживающих идею государства, т.е. субъекты изначально лояльны идее государства. Поэтому индивид, подчиняющийся государству, взаимодействует с другими людьми как с такими же подданными» [4, с. 284]. Риддингс совершенно справедливо указывает, что «сингулярность или отличие других редуцируется, поскольку общность с другими людьми становится возможной, только если эти другие являются, как и я, гражданами субъектами» [4, с. 284], но это и есть одно из основоположений либеральной метафизики: автономные субъекты различаются только свободно выбранными и комбини-

руемыми ими же «культурными особенностями», представленными публично через интересы, — по сути же они именно «тождественны».

Современный «переход» от лояльности *национальному государству* к лояльности *политическому порядку* и, без затруднений, *глобальному либеральному политическому порядку* полагается нынешними либералами «естественным» и «желательным». «Отмирание национального государства» и утрата «культурой» способности легитимировать знание и университет, с одной стороны; «естественность» и «необходимость» интерпретации либеральной свободы как свободы преследовать свои *интересы*, в том числе посредством их публичного представления (разделение Д. Лалом [15] «материальных ценностей», общих всем, без различия политической принадлежности, культуры, религии, — и «космологических ценностей», особенных, «частных»; связь либеральной свободы *исключительно* с первыми и «учет» вторых, вернее — политическое безразличие, к ним в том случае, если они не противоречат «основным»); глобализация (в либеральной парадигме — как вестернизация [16] и американизация: именно так ее *специально для университета* определяет Риддингс [4, с. 11] как *необходимость* и *неизбежность*, как *необратимость* (У. Бек [17]), — новый горизонт, среда, в которой существует современный университет: глобальная, монокаузальная (У. Бек [17]) логика капитала либеральной экономической парадигмы представления действительности.

Университет, как любой социальный институт, является *адаптивным* к среде (Б. Кларк [18]); если «последней действительностью» представляется *глобальный рынок*, то университет в конечном счете *является* одним из его акторов. Либеральный университет модерна был идеологическим институтом/инструментом национального государства (Лиотар [10], Риддингс [4]) — новый *предпринимательский университет* является *коммерческой фирмой*, определяемой в своей организации и деятельности *локациями глобального рынка*. Что означает этот переход, следует рассмотреть подробнее.

Систематически, то есть научно, условия, обуславливающие необходимость перехода, выявлены Лиотаром [10]. Он говорил об изменении статуса и способа легитимации знания во время ста-

новления постиндустриальной эпохи и появления постмодернистского искусства, именно здесь, в новой форме знания и науки, обретается одно из основных онтических оснований современного предпринимательского университета.

Первое, на что указывает Лиотар, — это на утрату значения «метанарративов» одновременно для фундирования истины и для легитимации знания — два аспекта одного и того же. Лиотар называет («упрощая до крайности») постмодерном «недоверие в отношении места рассказов»: «Оно является, конечно, результатом прогресса науки; но и прогресс, в свою очередь, предполагает это недоверие. С выходом из употребления метанарративного механизма легитимации связан, в частности, кризис метафизической философии, а также кризис зависящей от нее университетской институции. Нарративная функция теряет свои функторы: великого героя, великие опасности, великие кругосветные плаванья и великую цель» [10, с. 10], — постнеклассическая наука, в 20-е и 30-е годы XX века (физика, например), также характеризуется посредством «релятивизма», отсутствие «общего основания» (что, кстати, в «истории об электроны» и отсутствии наглядности для математической истинности имеет хорошую иллюстрацию). Лиотар пишет: «В современном обществе и культуре — постиндустриальном обществе и постмодернистской культуре — вопрос о легитимации знания ставится в иных выражениях» [10, с. 92], когда, «в результате быстрого технического и технологического подъема после Второй мировой войны» [10, с. 92] акцент «был перенесен с цели действия на средства ее достижения» [10, с. 93], который Лиотар в том числе (симптоматично для целей нашего исследования) связывает с «результатом активации внешнеэкономических связей либерального капитализма» [10, с. 93]. Рассказ «утратил свою легитимирующую функцию», на смену ему пришел именно постмодернистский способ легитимации знания: «Она распыляется в облака языковых нарративных, а также денотативных, прескриптивных, дескриптивных т. п. частиц, каждая из которых несет в себе прагматическую валентность *sui generis*» [10, с. 10]. Таким образом, пишет Лиотар, «грядущее общество соотносится не столько с ньютоновской антропологией, сколько с прагматикой языковых частиц»: «Существует много различных языковых игр — в силу разнородности их элементов. Они дают возможность своего учре-

ждения только через места сбора и распределения информации — это локальная детерминация» [10, с. 10–11].

Лиотар дает характеристику тем чертам нового знания, которые фундируются этой очевидностью: «Природа знания не может оставаться неизменной. Знание может проходить по другим каналам и становиться операциональным только при условии его перевода в некие количества информации» [10, с. 17]. Поэтому возможно «предвидеть, что все неперебиваемое в установленном знании, будет отброшено, а направления новых исследований будут подчиняться условию переводимости возможных результатов на язык машин» [10, с. 17]. И те, кто создают знание, и те, кто его «потребляют», «должны и будут должны иметь средства перевода на эти языки того, что одни стремятся изобрести, а другие — усвоить... Вместе с гегемонией информатики предлагается и определенная логика, следовательно, совокупность предписаний, предъявляемых к сообщениям, принимаемых как относящиеся к “знанию”» [10, с. 17–18]. Это — «машинное знание» [19], произведенное фабричным способом: «Можно отныне ожидать сильной экстерииоризации знания относительно «знающего», на какой бы ступени познания он ни находился. Старый принцип, по которому получение знания неотделимо от формирования (Bildung) разума и даже от самой личности, устаревает и будет выходить из употребления» [10, с. 18].

В основе производства и передачи такого знания находится технология, выполняющая две важные роли: «исследование и передача сведений» [10, с. 16]. Наконец, главное и принципиальное: «Такое отношение поставщиков и пользователей знания к самому знанию стремится и будет стремиться перенять форму отношения, которое производители и потребители товаров имеют с этими последними, т. е. стоимостную форму (*forme valeur*). Знание производится и будет производиться для того, чтобы быть проданным, оно потребляется и будет потребляться, чтобы обрести стоимость в новом продукте, и в обоих этих случаях, чтобы быть обмененным. Оно перестает быть самоцелью и теряет свою “потребительскую стоимость”» [10, с. 18].

То есть знание стало *техническим*; «отношение наука/техника перевернулось» [10, с. 114]. Знание как «техническое знание» и наука как рыночный товар подчиняются принципу эффективно-

сти: «Технические приемы подчиняются принципу оптимизации продуктивности: увеличение выхода (полученная информация или модификации), сокращение входа (затраченная энергия) для получения результата. Это такие игры, чья обоснованность не в истине, не в справедливости, не в красоте и тому подобном, а в эффективности: технический прием “хорош”, когда он делает лучше и/или когда он тратит меньше, чем другой. Это позднее определение технической компетенции» [10, с. 108]: «В форме информационного товара, необходимого для усиления производительной мощи, знание уже является и будет важнейшей, а может быть, самой значительной ставкой в мировом соперничестве за власть» [10, с. 20]. Таким образом, «здесь открывается новое поле для индустриальных и коммерческих стратегий» [10, с. 20], Лиотар вводит термин «меркантилизация знания».

Сам термин «предпринимательский университет» введен, по-видимому, Б. Кларком. Кларк акцентирует внимание на значение термина «предпринимательский» применительно к университету; очевидна также отсылка к «экономике знаний» и к представлению современного университета в экономической парадигме как месту, в котором его понятие имеет значение. Для Кларка вполне очевидно, что «предпринимательский» и «инновационный» — по сути одно: «Два слова — “предпринимательский” и “инновационный” — употреблялись примерно в одном значении» [18, с. 20], причем Кларк считает понятие «инновационный университет» более привлекательным, поскольку понятие «предпринимательство» связано с неприятием в университетской среде всего расчетливого, агрессивного, ориентированного на выгоду [18, с. 20], но он обоснованно выбирает именно термин «предпринимательский»: «Я предпочел сделать организующим понятием этой книги прилагательное “предпринимательский”, а не “инновационный”, потому что оно в большей степени указывает на местные усилия, на действия, которые ведут к изменению подхода организаций. Оно позволяет точнее сгруппировать отдельные процессы, которые позволяют современным университетам меняться» [18, с. 20].

Таким образом, «прилагательное “предпринимательский” используется в этом исследовании в качестве характеристики социальных систем, то есть всех университетов и их внутренних отделений, научно-исследовательских центров, факультетов и школ.

Данное понятие отсылает к идее «предприятия» — осознанного усилия по созданию института, которое требует немалой целенаправленной работы и напряжения. Важной чертой здесь является принятие рисков при освоении новых практик, результат которых неясен» [18, с. 19]. Инновации становятся объектом активных устремлений предпринимательского университета, это стремление связано с желанием занять в перспективе более выгодные позиции для минимизации рисков и ведения собственной игры, причем «предприимчивость институтов можно считать одновременно процессом и результатом» [18, с. 20].

Кларк определяет существенные/характерные черты предпринимательского университета. Во-первых, он адаптивный, то есть дающий «более адекватный ответ на изменения, происходящие во внешних мирах — в правительстве, бизнесе и общественной жизни, но и ограничивающий такие запросы, в большей мере фокусируясь на собственном институциональном характере» [18, с. 15]. Во-вторых, — «сфокусированный», то есть сознательно формирующий свое «содержание» и организацию, в соответствии с собственным видением своего места, в первую очередь — в данном (иногда — местном) рыночном сегменте глобального рынка. В-третьих, стремящийся к автономии в смысле «находятся в активном поиске средств, позволяющих им стать компетентными социальными институтами» [18, с. 16]; причем речь идет не о «формальной независимости» в старом значении «корпорации профессоров для проведения совместных исследований» (определение университета Гумбольдтом), или «республики ученых» как идеальной модели политического сообщества, — таковая автономия не является активной, то есть предпринимательской. Автономные университеты необычайно деятельны в решении вопросов своей структурной модернизации или реакции «на внутренние и внешние запросы» [18, с. 21].

По утверждению Кларка, именно «предпринимательство позволяет обрести эту автономию: расширение ассортимента услуг позволяет разнообразить доходы и увеличить ресурсы университета, что, в свою очередь, позволяет поступать по своему усмотрению и не зависеть в том числе и от государства»; создание и укрепление новых структур, более адаптированных к внешней среде, и «новых образов мысли и обучения»; предоставление

структурным подразделениям большей автономии для зарабатывания денег (выбор специальностей и коммерческих подходов); формирование новых взглядов, обосновывающих и развивающих структурные изменения, позволяющих быть максимально готовыми к ответу на грядущие вызовы; и развитие регулятивных способностей центра, от руководящих решений которого зависит способность университета к сосредоточению. Таким образом, «предпринимательский ответ во всем многообразии дает университетам лучшее средство для пересмотра своей области деятельности — для включения более полезного знания, для постепенного более гибкого перехода от одной программы к другой и, наконец, обретения организационной идентичности и сфокусированности» [18, с. 226].

Главным условием перехода к предпринимательскому университету, а затем и его подлинным центром Кларк считает «усиленное административное ядро»: менеджер как центр университета.

Хотя Кларком разработана первая модель «предпринимательского университета», его идея раньше определена Ридингсом: это «дискурс совершенства», «где совершенством именуется неререференциальный принцип, позволяющий максимизировать степень непрерывного внутреннего администрирования» [4, с. 191]. Самое главное здесь: «Совершенство напоминает денежные отношения, так как у него нет содержания, и поэтому оно не может быть ложным или истинным, безотчетным или сознательным» [4, с. 28]. Совершенство может быть «несправедливым», но это не «социальная несправедливость», а в лучшем случае, как мы постоянно слышим, «такова жизнь»; его «господство» также «не предполагает автоматическую политическую или культурную ориентацию, поскольку оно не детерминировано какой-либо идентифицируемой инстанцией политической власти» [4, с. 29], как это было в «больших метанарративах» (например, «классовой борьбы»), по Риддингсу, это «совершенство» такого рода, что оно отлично приноравливается к потребностям технологического капитализма, относящимся к производству и обработке информации, становится возможна более глубокая интеграция разнообразных форм деятельности в рамках общего рынка, при сохранении локальных проявлений некоторой степени гибкости и инновационности [4, с. 56–57]; декла-

рируемое «разнообразие» является пестротой без различия (либеральная метафизика исключает границу, а значит — и любое «отличие», имеющее хоть тень существенности, но приветствует свободную комбинацию любых «особенностей», которые «не ставят под угрозу единство системы» [4, с. 57]: «обращение к совершенству является, как мы видели, попыткой переопределить виртуальную публичную сферу в экономических, а не политических терминах. Иначе говоря, совершенство претендует на безразличие к практике приписывания тендера или другим формам «маркировки» оцениваемых им тел. И для этого оно апеллирует к внутренней логике учета» [4, с. 227]. Совершенство, «будучи нереференциальной единицей ценности, функционирующей целиком внутри системы», обозначает «лишь момент саморефлексии технологии» [4, с. 69].

Дискурс совершенства «привязан к интеграции и стандартизации» [4, с. 51]: Риддингс указывает на аналогию между «совершенством» и «практикой надзора и нормализации делинквентов», описанной М. Фуко [20] и названной «нормализацией»: все институты действительности, представленной в экономической парадигме, подчинены одной логике, выстраиваются и функционируют аналогичным образом, специфика области не определяет действительных различий, «медицинские учреждения», «тюрьмы», «международные организации», «университеты» теперь имеют одну организацию, то есть являются корпорациями. Поэтому «использование термина “совершенство” не ограничивается академическими университетскими дисциплинами» [4, с. 43]; более того, в дискурсе совершенства непосредственно сопоставимы преподавание, научные исследования и, к примеру, университетские парковки: «совершенство не имеет собственного содержания», а «отсутствие референции позволяет совершенству служить принципом переводимости радикально различных идиом: парковочные услуги и исследовательские гранты могут быть одинаково совершенны, и их совершенство не зависит от наличия у них каких-либо общих качеств или результатов» [4, с. 44], и вместе включаются в рекламный буклет университета, описывающего потребителю «предпочтительность образования» именно в этом университете и его «конкурентные преимущества» на рынке образовательных услуг. Требование «четких показателей эффективно-

сти университета» [4, с. 47] предполагает универсальность «логики учета» [4, с. 47], причем «совершенство позволяет сочетать в одной шкале такие крайние гетерогенные характеристики, как финансы и состав студентов» [4, с. 47], и наличие «удобных парковочных мест», добавим мы; «гибкость совершенства» состоит и в том, «что оно допускает включение репутации как одной из категорий в рейтинг, фактически создающей репутацию» [4, с. 47], — «формальная логика» в дискурсе совершенства отменена, что «позволяет выдавать категориальную ошибку за научную объективность» [4, с. 47].

Риддингс пишет: «Совершенство выступает чисто внутренней единицей ценности, которая эффективно выносит за скобки любые вопросы референции или функции, создавая тем самым внутренний рынок» [4, с. 48]; Лиотар писал, что знание как товар снимает вопрос о «потребительной ценности» (собственно, это известно еще с работ Маркса), «вопрос об университете — это лишь вопрос об относительной денежной стоимости, вопрос, адресуемый студенту, который понимается исключительно как потребитель» [4, с. 48]. Дискурс совершенства также «осуществляет перегруппировку и интеграцию всех форм деятельности, связанных со знанием» [4, с. 66]. По утверждению Риддингса, так происходит «везде»: «Университет производит совершенные знания и за счет этого легко включается в круговорот капитала и транснациональной политики» [4, с. 66]. Дискурс совершенства имеет в основании рынок и определяется «логикой капитала», совершенство отдает университет «на откуп рыночному капитализму» [4, с. 66], «единственным критерием совершенства является успешная деятельность на рыночных просторах» [4, с. 66].

Итак, совершенство подразумевает, «что университет не просто похож на корпорацию, а является корпорацией», а его студенты «не похожи на потребителей, они являются потребителями»: «совершенство предполагает квантовый скачок: понятие совершенства вырабатывается внутри университета в качестве идеи, вокруг которой центрируется университет и благодаря которой он становится понятен окружающему миру» [4, с. 40–41], то есть «идея, функционирующая в качестве референта университета, — совершенство, — сама референта не имеет. Университет совершенства — это симулякр идеи университета» [4, с. 90].

Такое *представление* современного университета поддерживается его *публичным политическим дискурсом* и выстраивается вокруг дискурса совершенства, который «можно условно охарактеризовать как принцип “стоянка запрещена”» [1, с. 152]. Аналогия с «экономическим ростом» здесь не только очевидна, но обнаруживает суть: «Какова бы ни была деятельность, она, как нам постоянно указывают, должна с определенной скоростью совершенствоваться. Стандарты нужно постоянно “повышать”. Ориентиры существуют для того, чтобы преодолеть их» [1, с. 152]. «Когда такие фразы овладевают нашим сознанием, становится трудно доказывать то, что, если нечто уже достаточно хорошо делается, лучше продолжать в том же духе» [1, с. 152]. Университеты являются «проблемой для популистских правительств в рыночной демократии» [1, с. 130]. Для таких правительств «только две формы оправдания, как считают правительства, допускаются их электоратом: во-первых, в планировании трудовых ресурсов, т.е. обучении будущих работников экономики, и, во-вторых, в некоторых узко понимаемых прибылях от «исследований» — прежде всего медицинских, технологических и экономических» [1, с. 130].

Вообще, публичный дискурс университета демонстрирует «постоянное затруднение», «с которым сталкивается публичный язык современной рыночной демократии, когда ему приходится иметь дело с общественными благами, которые невозможно ни сосчитать, ни удовлетворительно распределить посредством рыночного механизма» [1, с. 206]. Коллини не подвергает сомнению искренность тех, кто прибегает к такого рода «обоснованиям полезности университета». Но он указывает на «опасности», которые связаны с подобной практикой. Во-первых, «если защитники университета выдвигают только такой аргумент и никакого иного, тогда в самом скором времени достойными поддержки будут считаться только те виды деятельности, которые действительно приносят результаты, заданные соответствующими критериями» [1, с. 135]. Во-вторых, «благодаря такой одноцветной манере речи все мы приучаемся к подобным фразам и перестаем замечать то, что они колонизируют наше сознание» [1, с. 135]: «Когда мы в сотый раз читаем, что научное исследование должно поддерживаться, поскольку оно способствует “росту”, это похоже на ритуальное заклинание, совершенно трюистическое по своему характеру, и мы

просто перестаем замечать то, что интеллектуальное исследование представляется им в том свете, будто бы само оно было своеобразным гормоном, а “рост” — своего рода безусловным благом» [1, с. 135], — «и когда нам говорят, как часто бывает сегодня, что университеты вносят вклад в “конкурентоспособность” нашей страны, мы едва ли фиксируем то, что такая цель может быть порочной или даже нежелательной» [1, с. 135].

Со стороны правительственных чиновников, ведающих образованием, и публичных политиков, для которых «экономическая форма» дискурса университета является часто единственно понятной, возрастают требования об «ответственности», об «отчете в эффективности расходования средств», об «отдаче»; наконец, выдвигается аргумент, что если ученые и преподаватели желают получать финансирование, то «они должны согласиться отвечать перед этим правительством и следовать его концепции, отражающей предпочтения электората» [1, с. 61]: «Соответственно, в течение некоторого времени две чаще всего формулируемые цели официального политического курса состояли в том, чтобы, во-первых, заставить университеты отвечать на нужды экономики и, во-вторых, расширить университетскую сферу в целом, благодаря чему можно достичь “истинно демократического включения” и одновременно большей “социальной мобильности”» [1, с. 61]. Собственно говоря, «требование импакта», то есть «непосредственной отдачи от исследований и преподавания» стало императивом политики в отношении университета: «навязывание коммерческих приоритетов и требование того, чтобы университеты служили нуждам бизнеса, отражают растущее влияние тех, кто, прикрываясь “экономикой”, утверждает свой непререкаемый авторитет, отказывая в нем тем, кто представляет культуру, интеллект и образование» [1, с. 258]. И тогда «импакт» становится не фактором «социальной ценности» исследования, как его хотят видеть некоторые академические защитники, а еще одним способом использования в академической сфере «неинтеллектуальных критериев перед интеллектуальными», в стремлении получить от научной работы «экономические и социальные результаты» [1, с. 258], — все это можно расценивать и как борьбу за власть и контроль над «автономным» университетом, который всегда рассматривался в

том числе как «место анализа идеологий и критики» (например, Иглтон [21]).

Заключение. Разумеется, мы представили только *очерк, схему*, многие моменты которой нуждаются в последующей обработке. Но некоторые выводы можно сделать и на основании сказанного.

Итак, мы имеем последовательно *идеи*: университета разума, университета культуры/исследовательского университета [22], университета, центрированного вокруг либерального образования, предпринимательского университета «совершенства»; также следует принимать в расчет и два «символических высказывания»: Хайдеггера — о «смерти университета» (имелся в виду прежде всего именно немецкий университет), и Ридингса об «университете в руинах» — об университете модерна, то есть определенном идеей либерального образования. Следует рассмотреть, какие из этих идей и каким способом оказались способны соединить реальное и действительное, чтобы говорить о «радикальном понятии» университета; затем назвать *действительность*, к которой можно отнести радикальное понятие; потом — сконструировать рассказ, то есть рассказать историю.

Наше утверждение сводится к тому, что может быть рассказано две истории. Первая — это история германского исследовательского государственного университета: история умирания классического университета, — история утраты силы «идеей разума», ее вырождения и смерти «в 1890 году», прихода новоевропейской науки «в свою собственную форму» посредством определения идеей техники, вырождения образования как «подготовки к знанию» в «профессиональную подготовку», наконец, описанный Хайдеггером процесс замены «умершего университета» техническими школами [23] — фабриками по производству «технического полезного знания»: «Науки все больше сливаются с повседневностью и тем самым становятся одновременно неважными и полезными, как булочные и канализация» [5, с. 121]. Вторая — это история университета в действительности, определенной в либеральной экономической парадигме, ставшей универсальной и тотально господствующей в XIX веке: история университета, меняющегося в связи с утратой прежних «онтических оснований»: национального государства, национальной культуры, то есть своего идеологического обоснования и легитимации, и с изменением характера

еще одной своей «основы» — знания, которое теперь стало *товаром*; в этой связи — и изменения в смысле образования: вместо культурного гражданина (для государства) теперь университет производит *человеческий капитал* — тоже для рынка, который стал *действительно* глобальным, каким и был (если не забывать Маркса) *реально*, в понятии, с самого начала: тотальная, универсальная, монокаузальная логика капитала определяет действительность с XIX века — преобразование университета модерна в коммерческую фирму, необходимое и *совершившееся* в последние 30 лет.

Одна из этих историй завершилась; вторая продолжается и, если верить Хайдеггеру, не имеет шанса закончиться и обречена на бесконечную длительность. Две эти истории могут объединиться только одним способом: Хайдеггер называл это «историографическим перерасчетом прошлого» [24], когда «великие события», случившиеся в *свое время*, ставятся на службу настоящему в интересах тех, кто совершает такой «перерасчет»; данная процедура *выгодна*, события также становятся *товаром* и торгуются по *рыночной цене* (конъюнктура «рыночного спроса» на прошлое постоянно меняется, в зависимости от того, что ценится в данный момент); в этом отношении классический университет с его ореолом древности, респектабельности, политической благонадежности всегда пользовался хорошим спросом у фабрики по производству практического знания и человеческого капитала [25; 26] хотя бы как *алиби*, ну и в рекламных целях, конечно: самые изощренные запросы потребителей образовательных услуг должны удовлетворяться на *конкурентном рынке*.

Список источников

1. Коллини С. Зачем нужны университеты? М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2016. 264 с.
2. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
3. Шмитт К. Политическая теология // Шмитт К. Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. С. 5–59.
4. Ридингс Б. Университет в руинах. М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высш. шк. экономики, 2010. 299 с.
5. Хайдеггер М. Размышления II–VI (Черные тетради 1931–1938). М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. 584 с.

6. Фихте И. Г. Основные черты современной эпохи // Фихте И. Г. Сочинения в двух томах. СПб.: Мифрил, 1993. Т. II. С. 359–617.
7. Хайдеггер М. Гегелева «Феноменология духа». СПб.: Владимир Даль, 2020. 285 с.
8. Ясперс К. Идея университета. Минск: БГУ, 2006. 159 с.
9. Алавердян А. Л., Биньковская Л. Н., Мальцев К. Г. «Культурная нация» и «университет культуры»: опыт интерпретации онтополитического основания единства // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 6 (95). С. 13–25.
10. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.
11. Шмитт К. Духовно-историческое состояние современного парламентаризма // Шмитт К. Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. С. 93–170.
12. Агамбен Дж. Царство и слава. К теологической генеалогии экономики и управления. М.; СПб: Изд-во Института Гайдара; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2018. 552 с.
13. Ньюмен Дж. Г. Идея Университета. Минск: БГУ, 2006 208 с.
14. Нуссбаум М. Не ради прибыли: зачем демократии нужны гуманитарные науки. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2014. 182 с.
15. Лал Д. Похвала империи: Глобализация и порядок. М.: Новое издательство, 2010. 364 с.
16. Мальцев К. Г., Мальцева А. В., Ломако Л. Л Глобализация и вестернизация: горизонты «отождествления» и «различения» // Социально-политические науки. 2020. Т. 10. № 5. С. 106–114.
17. Бек У. Что такое глобализация. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 304 с.
18. Кларк Б. Р. Создание предпринимательских университетов: организационные направления трансформации. М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2011. 240 с.
19. Мальцев К. Г., Мальцева А. В. Цифровизация и «цифровой фетишизм»: предвидения в бытийно-историческом мышлении М. Хайдеггера // Человек. Культура. Образование. 2020. № 4 (38). С. 46–58.
20. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. 480 с.
21. Иглтон Т. Медленная смерть университета // Совет ректоров. 2015. № 4. С. 19–26.
22. Биньковская Л. Н., Мальцев К. Г. Концепция «университета культуры»: содержание и критика «онтических оснований» // Kant. 2021. № 2 (39). С. 260.
23. Биньковская Л. Н., Мальцев К. Г. Странная «смерть университета»: опыт философской интерпретации // Общество: философия, история, культура. 2021. № 4 (84). С. 21–26.

24. Биньковская Л. Н., Мальцев К. Г. Современная культура как культурная политика: М. Хайдеггер о культуре как «феномене современности» // Евразийский юридический журнал. 2021. № 3 (154). С. 464–470.

25. Мальцев К. Г., Мальцева А. В. «Человеческий капитал» как концепт биополитики: опыт философского истолкования // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2020. Т. 10. № 5. С. 242–252.

26. Мальцев К. Г., Мальцева А. В., Биньковская Л. Н. Идея университета и фабрика по производству человеческого капитала // Человек. Культура. Образование. 2021. № 3 (41). С. 11–27.

References

1. Kollini S. *Zachem nuzhny universitety?* [Why are universities needed?]. Moscow, Izdatel'skij dom Vysshej shkoly ekonomiki, 2016. 264 p. (In Russ.)

2. Gadamer H.-G. *Istina i metod: Osnovy filosofskoj germenевtiki* [Truth and method: Fundamentals of philosophical Hermeneutics]. Moscow, Progress, 1988. 704 p. (In Russ.)

3. Shmitt K. Political theology. K. Shmitt *Ponyatie politicheskogo* [The concept of the political]. St. Petersburg, Nauka, 2016, pp. 5–59. (In Russ.)

4. Ridings B. *Universitet v ruinah* [University in ruins]. Moscow, Izd. dom Gos. un-ta — Vyssh. shk. ekonomiki, 2010. 299 p. (In Russ.)

5. Hajdegger M. *Razmyshleniya II–VI (Chernye tetradit 1931–1938)* [Ponderings II–VI Black Notebooks 1931–1938]. Moscow, Izd-vo Instituta Gajdara, 2016. 584 p. (In Russ.)

6. Fihte I. G. Osnovnye cherty sovremennoj epohi [The main features of the modern era]. Fihte I. G. Works. In 2 vol. Of vol. II. St. Petersburg, Mifril, 1993, pp. 359–617. (In Russ.)

7. Hajdegger M. *Gegeleva «Fenomenologiya duha»* [Hegeleva «Phenomenology of the Spirit»]. St. Petersburg, Vladimir Dal', 2020. 285 p. (In Russ.)

8. Yaspers K. *Ideya universiteta* [The idea of the university]. Minsk: BGU, 2006. 159 p. (In Russ.)

9. Alaverdyan A. L., Bin'kovskaya L. N., Mal'cev K. G. «Cultural nation» and «University of Culture»: the experience of interpreting the ontopolitical basis of unity. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo* [Society: politics, economics, law], 2021, no. 6 (95), pp. 13–25. (in Russ.)

10. Liotar Zh.-F. *Sostoyanie postmoderna* [The state of postmodernity]. Moscow, Institut eksperimental'noj sociologii. St. Petersburg: Aletejya, 1998. 160 p. (In Russ.)

11. Shmitt K. The spiritual and historical state of modern parliamentarism. Shmitt K. *Ponyatie politicheskogo* [The concept of the political]. St. Petersburg, Nauka, 2016, pp. 93–170. (In Russ.)

12. Agamben Dzh. *Carstvo i slava. K teologicheskoy genealogii ekonomiki i upravleniya* [Kingdom and glory. To the Theological Genealogy of Economics and Management]. Moscow, St. Petersburg, Izdatel'stvo Instituta Gajdara; Fakul'tet svobodnyh iskusstv i nauk SPbGU, 2018. 552 p. (In Russ.)
13. N'yumen Dzh. G. *Ideya Universiteta* [The Idea of a University]. Minsk: BGU, 2006. 208 p. (In Russ.)
14. Nussbaum M. *Ne radi pribyli: zachem demokratii nuzhny gumanitarnye nauki* [Not for profit: why democracy needs humanities]. Moscow, Izd. dom Vyssh. shk. ekonomiki, 2014. 182 p. (In Russ.)
15. Lal D. *Pohvala imperii: Globalizaciya i poryadok* [Praising the Empire: Globalization and order]. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2010. 364 p. (In Russ.)
16. Mal'cev K. G., Mal'ceva A. V., Lomako L. L. Globalization and Westernization: horizons of «identification» and «distinction». *Social'no-politicheskie nauki* [Socio-political sciences], 2020, Vol. 10, no. 5, pp. 106–114. (In Russ.)
17. Bek U. *Chto takoe globalizaciya* [What is globalization]. Moscow, Progress-Tradiciya, 2001. 304 p. (In Russ.)
18. Klark B. R. *Sozdanie predprinimatel'skih universitetov: organizacionnye napravleniya transformacii* [The creation of entrepreneurial universities: organizational directions of transformation]. Moscow, Izd. dom Gos. un-ta — Vysshej shkoly ekonomiki, 2011. 240 p. (In Russ.)
19. Mal'cev K. G., Mal'ceva A. V. Digitalization and «digital fetishism»: foresight in the existential-historical thinking of M. Heidegger. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie* [Human. Culture. Education], 2020, no. 4 (38), pp. 46–58. (In Russ.)
20. Fuko M. *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my* [To supervise and punish. The birth of the prison]. Moscow, Ad Marginem, 1999. 480 p. (In Russ.)
21. Iglton T. The slow death of the University. *Sovet rektorov* [Council of Rectors], 2015, no. 4, pp. 19–26. (In Russ.)
22. Bin'kovskaya L. N., Mal'cev K. G. The concept of the «University of Culture»: the content and criticism of «ontic foundations». *Kant* [Kant], 2021, no. 2 (39), pp. 260. (In Russ.)
23. Bin'kovskaya L. N., Mal'cev K. G. The strange «death of the university»: the experience of philosophical interpretation. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura* [Society: philosophy, history, culture], 2021, no. 4 (84), pp. 21–26. (In Russ.)
24. Bin'kovskaya L. N., Mal'cev K. G. Modern culture as cultural policy: M. Heidegger on culture as a «phenomenon of modernity». *Evrasijskij juridicheskij zhurnal* [Eurasian Law Journal], 2021, no. 3 (154), pp. 464–470. (In Russ.)
25. Mal'cev K. G., Mal'ceva A. V. «Human capital» as a concept of biopolitics: the experience of philosophical interpretation. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sociologiya. Menedzhment* [Proceedings of the Southwestern State University. Series: Economy. Sociology. Management], 2020, vol. 10, no. 5, pp. 242–252. (In Russ.)

26. Mal'cev K. G., Mal'ceva A. V., Bin'kovskaya L. N. The idea of a university and a factory for the production of human capital. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie* [Human. Culture. Education], 2021, no. 3 (41), pp. 11–27. (In Russ.)

Сведения об авторах / Information about the authors

Мальцев Константин Геннадьевич

доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры теории и
методологии науки, Белгородский
технологический университет
им. В.Г. Шухова

308012, Россия, Белгород,
ул. Костюкова, 46

Konstantin G. Maltsev

Doctor of Philosophical Sciences, Pro-
fessor, Professor of the Department of
Theory and Methodology of Science of
Belgorod State Technological Univer-
sity named after V.G. Shukhov

46 Kostyukov St., Belgorod, Russia,
308012

Мальцева Анна Викторовна

кандидат политических наук, доцент
кафедры теории и методологии
науки, Белгородский
технологический университет
им. В.Г. Шухова

308012, Россия, г. Белгород, ул.
Костюкова, 46.

Anna V. Maltseva

Candidate of Political Sciences, Asso-
ciate Professor of the Department of
Theory and Methodology of Science of
Belgorod State Technological Univer-
sity named after V.G. Shukhov

46 Kostyukov St., Belgorod, Russia,
308012

Статья поступила в редакцию / The article was submitted
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing
Принята к публикации / Accepted for publication

17.04.2022
18.05.2022
25.05.2022